

«...партбилет не сжигал»

Новые известия — 2005 — 8 февр. — с. 1, 5
Окончание. Начало на стр. 1

— Но, насколько я мог понять, нынешняя демократия вам ближе, чем советская партийная диктатура?

— Демократия вообще имеет достаточно временной разбег, но она всегда использовала только душевные качества масс, но никогда не интересовалась интеллектуальным порывом думающих людей. Политики, используя массу и ее бездумность, обманывали ее, предлагая самые невероятные перспективы. Масса попадалась на эти выброшенные лозунги, но когда понимала, что обманута, то начинала защищать те самые лозунги. Отсюда преступность. Но ведь нельзя обвинять тех, которые защищали по сути себя, свои убеждения. Поэтому никогда ни в одной демократии не было подлинного народовластия, когда есть одинаковое сопряжение тех, кто живет душой, и тех, кто живет духом. Исчез дух, религия не нужна, тайна ушла. По большому счету, демократия, как ни странно, прежде всего нужна святым, царям и аристократам, ведь для них это и есть царственное служение прежде всего той высшей истине, которая над нами. Если говорить о театре, то и здесь ты служишь. Когда же в академическом театре профсоюзный комитет вывешивает объявление: «Товарищи артисты! Помните, что театр — ваше главное место работы!», — то это очень грустно. Грустно, когда артисты не хотят играть спектакль, потому что у них есть побочный заработок. Какой-то просто фантом денег! Я знаю случаи, когда в академическом театре отменяли спектакли только потому, что актеры не приходили. Это отсутствие царственного служения становится нормой. Мне кажется, что из жизни, из искусства ушла тайна и пришла грубая реальность — фантом денег.

— Роман Григорьевич, давайте оставим в покое политику и поговорим о вас. Вы как-то оговорились, что навсегда застряли в возрасте 19 лет...

— Есть возраст земной, а есть космический. Любой человек, имеющий отношение к творческим процессам, обязан знать свой космический возраст, который определяет его путь в творчестве. Когда ты все начинаешь сначала и понимаешь, что каждый новый спектакль

не имеет никакого отношения к предыдущему, то стремишься к финишной ленточке и хочешь ее пересечь. В земном возрасте этот барьер можно определить в 30 лет. Человек мечтает скорее повзрослеть и чего-то достичь, ему хочется завоевать место под солнцем и погреться в его лучах. Но потом наступает период, когда понимаешь, что надо остановить темп возраста.

— Но как же вы вычислили, что вам именно 19 лет, а не 22, 37 или 17?

— Очень просто. Я понимаю, что должен приводить свою нервную систему в то состояние, когда говоришь миру «да». Это то колесо, которое движется само по себе, без дополнительной энергии, и она дана нам до 19 лет.

— А вам не кажется, что это тупик — остановиться в одном возрасте?

— Остановка в одной точке колеса — это еще не тупик. Потому что есть детство. Тот, кто в творчестве отказывается от детства, тот теряет способность творить. И я убеждаю в этом всех артистов, объясняя кому сколько лет. Например, Елене Образцовой — 20, Алисе Фрейндлих — 16, Аде Роговцевой — 14.

— Но ведь с возрастом люди становятся мудрее.

— Возраст — это бестактность времени, ошибка природы. Вы берете обыкновенную жизнь, а я вам говорю про жизнь в искусстве. Это не имеет никакого отношения к той реальности, о которой вы говорите. Конечно, я понимаю всю глупость того, что время летит. Ефим Шифрин пришел ко мне на курсы в 19 лет. Я не могу поверить, что ему и сейчас не 19. Если мы начнем репетировать и я снова буду как учитель, а он как ученик, то будет казаться, что собрались дети, которые свято верят, что они встретились в первый раз. Хотя он подросток, и я тоже.

— Вас не угнетает физическое старение?

— Совершенно нет. Хотя считаю, что это неправильно. Да, это есть, но можно ведь реже смотреть в зеркало. Нужно чаще смотреть в глаза людей, которые на тебя смотрят, тогда можно понять, как они определяют твою оболочку. А все остальное — это ЖЭК. Тогда становится скучно. Наверное, главное — побольше любви. Если та любовь, которая приходит в детстве, — любовь к миру, к родителям — исчезает, то не о чем больше говорить. Се-

годня в искусстве нехватка любви. Любовь здесь агонизирует.

— Вы как-то сказали: «Всеми своими спектаклями я говорю и буду говорить об андрогинности». Что это за идея фикс?

— Это не идея фикс. Помните ту женщину, которая кричала на телемосте с Америкой, что в СССР секса нет. Я давно ишу ее, мне говорили, что она живет в Новосибирске. Когда я там был, то призывал ее по телевидению встретиться со мной. Есть платоновская идея двух половинок человека. В Советском Союзе об этом молчали даже преподаватели философии. В актерской профессии эта андрогинность должна быть категорической, актер своим воображением может проникнуть в любую душу любого существа.

— Секундочку, по-вашему, ну, к примеру, Михаил Ульянов тоже андрогинный?

— А почему нет? Он тоже свободно может сыграть женщину. Почему вы думаете, что он не сможет ее сыграть? В советский период этой проблемы не было. Как же он мог ее касаться? Но я думаю, что артист своим воображением может проникнуть в те тайные женские заводы души, куда женщина никого не допускает. Это может сделать только мужчина. Поэтому весь мудрый мировой театр никогда не допускал на сцену женщин. У меня это был не какой-то знак протеста, а возврат театра к театральности. Артист должен знать об этой двуполовинчатости человеческого существа. Платон был не глупый! Он весь кричит об этом — о половинке, о сечении, о поиске своей второй половины. Но главное — искать, а не найти.

— Вашей первой театральной работой, кажется, была роль Зои Космодемьянской...

— Нет, это было уже в школе. До этого я собирал ребят на площади Рынок и ставил с ними все, что видел в нашем Львовском оперном театре. А Зоя Космодемьянская была потом. В то время школы делились на мужские и женские, и в нашей школе играть Зою было некому. В школе я был самый сумасшедший, самый непоседливый. Когда были праздники, то я читал весь патриотический репертуар, ведь я был первым пионером и лучшим комсомольцем. Кстати, у меня никто не спрашивал, хочу ли я идти в пионеры, просто сказали, что с сегодняшнего дня я стал пионером. Это же было на Западной Украи-

Роман ВИКТЮК родился 28 октября 1930 года во Львове в семье учителей. Еще школьником начал ставить самодельные спектакли. В 1953 году закончил ГИТИС. Работал в театрах Львова, Калинина, Москвы. В 1991 г. создал собственный театр. Виктук — классик отечественной театральной провокации. Он активно использует в своих постановках эротику. В числе его постановок: «Вечерний свет» Алексея Арбузова (1975), «Стена» Александра Галина (1987), «Федра» Марины Цветаевой (1988), «Служанки» Жана Жене (1988), «М. Баттерфляй» Давида Хуана (1991), «Мастер и Маргарита» по Михаилу Булгакову (2000).

не. С детства я играл национальных героев — был Тарасом Шевченко, рвал цепи царизма и боролся с ним. Потом была и Зоя, но это был промежуточный этап.

— И как вы ее играли, в юбке?

— Вы плохо знаете ситуацию. Она была в ватнике и фуфайке. Играл я очень патриотично. До сих пор помню, как звал бабушку, которую играл другой ученик. Мы сделали этот спектакль по поэме Маргариты Алигер. Но смешно в этой жизни не это. В прошлом году ко мне на курс поступал студент, на экзамене он читал отрывок из «Молодой гвардии», лирический монолог Кошечего «Мама, мама, я помню твои руки...». А когда-то это был мой коронный номер, его я читал при поступлении в ГИТИС. Макарова плакала, и Алла Тарасова тоже плакала, когда я читал его. И вот я слушаю этого мальчишку, а потом его шутя спрашиваю: «А ты давно видел Ульяну Громову?» Он молчит. Я снова спрашиваю: «Ты давно видел Олега Кошечего?.. А Ульяна Громова давно передавала тебе бензин?». Он опять молчит. И вот уже комис-

сия взяла ручки, чтобы написать, что он безграмотный, как он говорит: «Роман Григорьевич, моя бабушка играла Ульяну Громову в фильме». Это оказался внук Мордюковой и Тихонова! «А почему же мне бабушка не позвонила или дедушка?» — спрашиваю его. Он отвечает: «Они никогда не позвонят. Они считают, что я сам должен все делать, как молодоговартеец».

— Вот вы сказали о возвращении театра к его началу. А что вы думаете о тех, кто приходит в ваш театр? Ведь изначально театр — это был балаган...

— Если театр — это балаган, то в смысле как зрелище. Но, понимаете, есть на планете такое эмоциональное меньшинство. Именно оно не дает нашему шару исчезнуть. Люди из этого меньшинства могут видеть сердцем. Их очень мало. Они как те 33 мудреца в каждом поколении. Вы слышали теорию, что в каждом поколении есть 33 мудреца, которые определяют путь века? Американцы издавали на этот счет много интересных книг. В одной из них есть и мое имя.